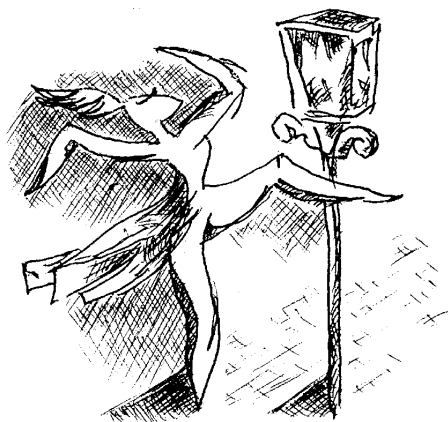

Предисловие

Мы отражаем мир — мир отражает нас, как два зеркала, что ловят свет и тени друг друга. По зеркальным коридорам одна реальность уходит в другую и возвращается измененной.

I. По краю тени от бездны

Содержание цикла:

Владимир Захаров	8
Джерри (Александра Власюк)	39
Владимир Черноморский	50
Игорь Чернавин	70
Михаил Лебедев	107
Андрей Лаврухин	114
Алина Пашек	136
Ксения Степанова	145

Владимир Захаров

г. Петрозаводск, Карелия

Выпускник художественно-графического отделения Петрозаводского социально-педагогического колледжа. Учился на филологическом факультете ПетрГУ.

Свободный художник, литератор. Рассказы публиковались в журнале «Север», «Нева», «Молодежной газете», интернет-журналах.

Из интервью с автором:

Получил первую премию на конкурсе журнала «Нева» — «Невская перспектива» (рассказ «Одиннадцатая заповедь», 2005 г.), именную стипендию имени Роберта Рождественского для одаренных студентов 2004–2005 гг. Лауреат 5-го международного Волошинского конкурса (рассказ «Небо Копейкина», 2007 г.), дипломант 7-го международного Волошинского конкурса (рассказ «...много хлеба, водки, тушенки...», 2009 г.).

Стиль

— Все ох...нно, когда ты возишься со своими деревьями, рыбами. Еще ты дрова очень красочно рубишь. Наполненно, я бы сказал. И бабы твои, и звери... Все живое, но пойми, сейчас надо другое. Я будто в болоте вязну в твоём тексте. Ты вообще знаешь, что прозаический текст можно делить на абзацы? У тебя, бл..., простыни текста, в которых увязает. Строчки друг на друга налезают. Начинаешь путаться. Перескакивать с одного на другое. Не думай, что я критикую. Повторюсь, ты крепко и хорошо пишешь, но надо думать и о тех, для кого. Знаешь, какой главный девиз мира сейчас? Комфорт! Все должно быть комфортным. Люди больше не стараются. Если что-то доставляет им неудобства и заставляет ерзать жопой, напоминая о геморрое, то они от этого отказываются. И нельзя их в этом винить. Мы — работники сферы развлечений. Литература больше не алхимия с попыткой выплавить душу. Надо приспособливаться...

— За борта держись, — перебивает Архаров, выпрыгивая в мелководье и рывком подтаскивая на себя лодку с Журавлевым.

Журавлев приехал вчера. Долго переписывались. Журавлев — редактор одного из столичных литературных журналов. Первым напечатал Архарова и сейчас занимался продвижением его текстов. Захотел увидеться воочию, да и на глушь, из которой вдруг невзначай выпростался Архаров, посмотреть.

— Ты не видишь перспективы. Картины, в общем. Конечно, у тебя тут просторно, — оглядываясь на пошатывающееся озеро, закуривает Журавлев. — Трудно, живя в этом, предполагать, что тебя читают в разных местах. Но это так. И в метро, поеживаясь от трущегося о ногу извращенца. И в уборной, нащупывая рулон туалетной бумаги. И в новеньком «Бентли», одной рукой перелистывая, другой подавливая на голову шалавы, чтобы не сбивалась с ритма... Эффект свежести и новизны проходит, и люди хотят, чтобы не только про дебри и про то, как глядит лось, привалившись простреленным боком к сосне. Хотят, чтобы и о них. Чтобы помог нащупать рулон и пояснил дуре, что главное это ритм...

— Прихвати удилища, я сети смогаю.

Архаров смотрит на смурное небо и понимает, что дождь будет долгим и прольется на Журавлева в том числе. Это означает, что меньше снаружи, и придется укрывать редактора, и подолгу,

не отвлекаясь, оставаться с ним наедине. Вывешивая сети на приколоченные под навесом лосиные рога, Архаров подсчитывает в уме, сколько надо взять водки.

— Была одна поэтесса... Из такой же глуши, только с южных окраин родины. Я к ней приехал тогда и чуть обратно сразу не сорвался. Знаешь, когда баба в очках и на ней одежда, под которой не разберешь, что там вообще. То есть обычно сразу понимаешь, трахательно или нет. Да и стишки у нее такие, знаешь, сочащиеся, влажные. А тут такое... чуть сразу обратно не сорвался. Подумал, что не продам. Но задержался, попил с ней. Представляешь, она жила на берегу моря, а с детства на пляж не выходила. Это было уже делом принципа. Напоил и затащил на пляж. Когда разделась, я не пожалел, что остался. Если назову ее имя, сразу поймешь, о ком я. Первая московская поэтесса сейчас. Уже без этих крымских пасторалей в стишках. Все больше грязного и вкусного. Но, правда, облядилась в процессе и, наверное, сопьется, но...

— Баня ближе к вечеру, сейчас уху заправлю.

Журавлев кивает, пристраивая удилица под навес. Не получается. Бьют по спине, когда отворачивается. Махнув рукой, идет к Архарову, который, присев на бревно, на камне режет щучьи головы. Журавлев на какое-то время застывает, наблюдая за процессом. Вид крови задерживается в его глазах тревожным восторгом. Вздрагивает головой, отвлекаясь, и, присев к рюкзаку, достает из него водку.

— А еще диалоги... это, брат, сейчас тренд. Чем больше болтовни в тексте, тем лучше. А у тебя их почти нет. Будто слет глухонемых. Понятно, что герои твои диковаты, но не совсем же неандертальцы. Вот и пьют, и бабьем не брезгают, но все это в какой-то удушливой немоте. Гаркают, как допотопные: нож там передай, заходи на медведя. Тебе надобно их разговорить. Пускай поплачутся, что ли... поматерятся... поюморят... Чем причудливей и витиеватей, тем лучше заходит. Да и объем так набирать легче. Пару вводных абзацев, пятьдесят страниц болтовни — и вот тебе повесть. Так сейчас в основном и пишут. Люди же прежде всего в Интернете обитают, а там сплошное соревнование — кто красочней спииз...нет.

Журавлев, разлив водку, передает кружку Архарову. Тот, обтепер о траву нож, кидает рыбы потроха в костер. Шипение вскипающей крови.

— Давай, брат, за природу. Где мы, кстати?

— Нигишламбское.

— Нигиш... как, мля?

— Ни-гиш-ламбское.

— Короче, вот за то, что ты назвал. Красиво у вас тут... Умеешь передать... Меня-то, честно говоря, день на третий в таких вот местах подташнивать начинает. Слишком просторно и свежо. А мне, брат, смог и пробки подавай. Надо и тебя в столицу затащить. Чтоб надышался. Городская проза всегда лучше продается. Подумай над сюжетцем, как один из твоих леших в город попадает. Кто кого ломает, а?! Кто кого?!

Архаров выпивает, вытянув руку в сторону и ладонью нащупывая первые дождевые капли. Журавлев шумно занюхивает луковым пером, присматриваясь к Архарову и разгадывая его беспокойство.

— В доме укройся, сильно польет, — говорит Архаров, водружая котелок с ухой на осиновую рогатину над костром.

— Думаешь?.. Вроде и не каплет.

Архаров набрасывает на плечи дождевик, и начинается основная дождь.

— А ты как же?! — перекрикивает ливень Журавлев, напоследок замахивая водку и семена к веранде.

— Нормально! Доварю! — отбрехивается Архаров, подбрасывая в шипящий огонь чурки потолще.

Он тихо улыбается, помешивая уху деревянной ложкой, и с удовольствием курит, прикрывая сигарету козырьком пальцев. Какое-то время тихо. Только перестук дождя по крышке котелка и дну перевернутой лодки. Журавлев потерянно прохаживается взад-вперед по веранде дома, в метрах пятнадцати от костра. Заметно, что он доискивается взгляда Архарова, ждет, когда тот обернется. Архаров не оборачивается, и Журавлев преодолевает дождь с веранды.

— А еще баб надо побольше! У тебя они есть, но слишком редкие и заповедные! Фестиваль сосисок какой-то! В твоих текстах зашли бы такие, знаешь — кровь с молоком, ухватистые, с грудями медными! Пускай лесовики возвращаются в свои берлоги к теплому междуножью и безмолвно так, со смыслом еб...ся! А потом, не поделив междуножье, гоняются по лесам друг за другом с берданками! Такую драму, брат, можно завернуть! С мясом, кровью, сек-

сом! Не забывай, что женщины читают больше! Это надо всегда в уме держать!

Архаров, с сожалением оглядев серый затянутый горизонт, снимает котелок с костра и идет в сторону дома.

— Опять же деньги. Сейчас только деньги людей волнуют. И тех, у кого их мало, и тех, у кого их хоть жопой ешь. Люди убиваются из-за них, убивают... В твоих же иноках это не проглядывается. Скажешь, что в лесу и так все под рукой? Может... Но всегда кто-то хочет больше. Вот ты хочешь?! Хочешь?! — подначивает Архарова Журавлев, зачерпывая рыбий бок. Архаров натянуто улыбается и чуть кивает. — Надо тебя по премиям потаскать. Это тоже отдельная тема. Для первой книги нет лучше рекомендации, чем несколько помельче премий или одна, но большая... Но там столько шкурных интересов, брат. Целые группировки. Некоторые, особенно ушлые, только на премии и работают. Сочинение на тему, так сказать. Однодневки в основном, но спрос-то какой? И так читают мало, так хоть копеечку заработать. Домой вернусь, прошерстю календарь.

Под уху выпивают много. Журавлева заметно повело. Речь замедляется, скатываясь в полутона. Архаров решает, не дожидаясь вечера, заправить баню. В парной их еще больше развезет. Опять же сколь угодно долго можно растапливать и отлучаться на погляд. Баня за домом. Немного чадит при растопке от давящего сверху дождя. Журавлев заглядывает в парилку, где Архаров на корточках, весь в дыму у раскрытой печки. Журавлев, закашлявшись, уходит. Архаров хмельно улыбается и не спешит с раскрытием поддувала.

— А политика?! Ты об этом думал? — через дверь просачивается голос Журавлева. — Сейчас не важно, что пишет писатель, важно его мнение о текущем процессе. Там тоже все зыбко. Разные лагеря. Почвенники, ватники, либерасты... Надо аккуратно, ни нашим ни вашим, так сказать. Но всегда на пульсе. Ты, конечно, скорее, к ватникам по всем внешним признакам, но можно и на исконной анархической карте сыграть. Этакий правдоруб из народа. Я еще посоветуюсь с прошаренными людьми, и мы определимся.

Журавлев, повизгивая и пригибаясь, забегает в парилку. У него поджарое, с небольшим выпуклым брюшком тело. Мягкий, от дорожного солнца загар контрастирует со снежной бледностью шрам-

ного, с потертостями тела Архарова. Архаров закрыв глаза, с запрокинутой головой сидит на верхней полке. Журавлев было взбирается к нему, но, поерзав, сползает сначала на средний, а потом и на нижний уступок. Пробует заговорить, но раскаленный воздух запирает. Архаров подкидывает на камни, и Журавлев шарахается от резкого звука вспенивающейся воды. Вдоволь нахлеставшись веником, Архаров выходит в предбанник и видит, что Журавлев, прикрыв голову полотенцем, спит. Перед уходом Архаров открывает дверь парилки и выпускает плотный пар. До ночи тепло задержится, и Журавлев не застудится.

Прихватив сигареты, Архаров выходит под дождь. Осень в этом году утверждает сама себя. Без всякой раскачки, с начала сентября вымачивает, выхолащивает остатки лета. Архарову нравится. Хотя можно бы было и подрастянуть грибной сезон, но и так засушил вдоволь. Осенью и пишется лучше. Внутри все затихает, оседает и можно без горячности и суеты посидеть над словами. Идет проселочной дорогой. Его дом — новодел, в стороне от старого поселения. Долго строился. Все своими руками. Под себя. Заметил в себе это внутреннее желание отодвинуть и отодвинуться. И здесь-то людей немного, особенно по зиме, но и от них упруго отталкивает. Будто боится, что размагнитит его их плотное, сгущенное присутствие. Вот только...

Архаров входит в единственный на всю деревню кабак. Точнее — днем магазин, вечерами рюмочная. По краям, на грубо сколоченных лавках, за столами — местное старичье да ханурики. Архаров всю дорогу до кабака считал смены и не просчитался. Лера за прилавком и с теплой улыбкой кивает ему (всякий раз боится ее не застать). Лера еще молода, а уж о внешнем и говорить нечего, так что ее задержка в любимой Архаровым глуши ему удивительна. Он медленно подбирается, подтаскивает себя к мысли, что, может, и Лере эта глушь родная. Может, и она от чего-то отодвигается. Но Архаров не спешит с выводами, так как при разверстке скороспелых дальнейших действий со своей стороны боится просчитаться. Так уже раньше случалось.

Последняя стайка старушек, насплетничавшись вдоволь, уходит. Лера приглушает свет и, несколько напрягшись лицом, включает музыкальный центр под прилавком. Архаров подливает в кофе коньяка и кладет на стол блокнот. Без букв подолгу нельзя.

Не получалось писать с момента приезда Журавлева, и Архаров чувствовал, как в нем нарастала, распространялась пустота. В пустоте ухали слова Журавлева, позвякивало раздражение и подвывал страх утратить голос. Это тоже знакомо Архарову. Однажды не писал десять лет. Страшное, темное, пьяное время. Шабашил по лесам — зверея. Будто фонарь без батарейки.

В кабак вваливаются четверо незнакомых. Вернее, происхождение их известно Архарову — «черные лесорубы». В сезон много таких наезжает на незаконное, до излова. Архаров и сам, в те десять лет, промышлял мерзким. Рубрики обычно не засвечиваются в деревне, но Лера — достаточная причина, чтоб рискнуть и покуражиться. Устраивают свои небритые испитые морды за столом, и пока вполне себе тихие. После дневной валки слух устает от визга бензопил, и сейчас мужики расслабляют уши лирикой шансона из музцентра, а утробы — водкой. Архаров, обменявшись с ними упругими жесткими взглядами, возвращается к блокноту.

— А еще про молодежь нельзя забывать! — с порога начинает Журавлев, разглядев Архарова. Редактор в несколько разобранном состоянии. В старой архаровской фуфайке, из кармана которой торчит бутылка. Присаживается за стол. Архаров убирает блокнот и закуривает. — Самый сложный сегмент! Молодежь сейчас совсем не читает! Интернет, брат!

— Не так громко, — говорит ему Архаров, поглядывая за его спину на лесовиков и на Леру.

— Да-да... а что это за дрянь играет?! Так о чем это я... да... Молодежь сейчас, как Клондайк. Там, брат, столько золота. Надо только способы добычи подобрать. Все над этим бьются. Заберешь их — заберешь будущее. Да и поинтересней в смысле поклонниц, хе-хе. Пришлось поездить по фестивалям для начинающих, и могу сказать, что намного поинтересней, если понимаешь, о чем я.

У Журавлева всклокочены волосы. Нездоровый цвет лица, в котором багровое послебанное замешано с бледным отходным. Несмотря на фуфайку и болотники, он заметно выделяется, как шампиньон в шарабане с лесным грибным сбором. Архаров не поддерживает его с водкой, потягивая кофеек и посматривая по сторонам. Лесорубы становятся громче. Матерок набухает хмелем. Они попеременно подходят к стойке и, забирая заказное, подолгу кадраются к Лере. Пока все пристойно, без протягивания через стойку ручищ, без раздражения несговорчивостью. Лера молодец — веж-

ливая улыбка, но строгость во взгляде. Журавлев тоже обращает на нее внимание. Все чаще делает паузы, совершая корпусом пол-оборота в ее сторону.

— У-ух, какая, — причмокивает он, кивая на Леру.

— О чем ты там говорил? — отвлекает его Архаров.

— Да... о чем? Да хрен его знает! Поездить тебе надо. По фестивалям, премиям. Я порой вообще не представляю, когда твои собратья пишут. По-моему, только бухают, трахаются и тусуются по всей стране... Был бы повод... Знаю, что ты из другого теста, ну а кто нет? Особенно в начале. Беда в том, что на этих толковищах все и решается. Кого печатать, кого награждать. Много паскудства, но выхлоп того стоит.

Журавлев более не может себя сдерживать и, шатко поднявшись, направляется к стойке. Чуть склоняет голову и, мягко поглаживая столешницу, что-то там шепчет, посмеиваясь. Лера, поглядывая на Архарова, проявляет к Журавлеву больше расположенности, чем к остальным. Как-никак, гость Архарова. Один из лесовиков тоже подходит к стойке. Товарищи провожают его внимательными взглядами как своего делегата. Борьба за внимание Леры оканчивается перепалкой, и Журавлев, напоследок с уверенной улыбкой кивнув Архарову, идет за рубчиком на выход. Вслед за ними поднимаются и прочие лесовики. Архаров с досадой тушит окурок в пепельнице.

— Как ты сегодня? — спрашивает он у обеспокоенной Леры.

— Неплохо до последнего времени.

— Я его спать уложу и приду к закрытию, провожу.

— Хорошо... аккуратней, они диковаты...

Архаров перегибается через стойку и выуживает старенький двустольный «Иж». Продувает стволы. Нащупывает в кармане дождевика патроны. Заряжает.

— Они рассчитались? — спрашивает он у Леры, направляясь к дверям.

— За кого меня держишь, я сразу деньги беру.

Архаров выходит на крыльцо. Чуть в стороне — Журавлев, окруженный лесорубами. Они озорно матерят его, разминаясь. Журавлев потерял в росте, поник плечами, заметно подрагивает. В ответ на мужичкий перелай он пытается что-то сказать, но лишь по-рыбьи глотает воздух. Архаров устойчиво встает и, плотно прижав приклад к плечу, стреляет сразу из двух стволов под ноги руб-

щикам. Те, пригнувшись, рассыпаются по сторонам. Журавлев, с мертвенно-бледным лицом в вечерних сумерках, недвижимо це-пенеет.

— Мужики! Вы чё такие беспокойные?! Мне казалось, ваше дело тишину любит! — перекрикивает звон в ушах Архаров, перезаряжая.

Лесорубы, поплевавшись для приличия, с неторопливостью и показным достоинством удаляются, сливаясь с дождем. Журавлев присаживается на мокрое крыльцо и не без труда прикуривает трясушимися руками.

— Да... и еще про стиль...

Дворник

...the beast in me, has had to learn to live with pain *

— Энд хау ту шелтер фром де рейн! — басовито подпеваает, сардонически кривя окровавленный рот. Много демонов развелось в жилище Макарова. Пугаются под ногами. Нашептывают жалобное. Нытики! Помимо него — много.

— Гад хэлп, де бист ин ми-и-и, — хохочет, давясь сырым говяжьим языком. Кидает со стола псам. После недолгой грызни кто-то чавкает, кто-то подвывает. В псов и запихивает демонов. Иначе не протолкнуться. Прямиком в пасть и забивает, до рвоты собачьей. Псы смиреют, демоны смиреют — далее кто-то всплывает на поверхность. Что удивительно, чаще собакины. Все-таки ближе бесам человеچه, и в животных теряются. Макарову не жалко собратьев. И собачкам даже больше рад. Язычки у них тепленькие, а глазки умненькие. Любят, блин, его. С окрестных дворов сбегаются стаями. Он редких берет. Важен не размер — лапы крепкие должны быть. Если лапы крепкие, то его солдат. Сейчас их пять. Макаров избирателен в выборе последнего. Не нашел пока замыкающего. Гладит себя по волосатому пузу. Безразлично давится водкой. Задумчиво выводит перевернутый крест, макая толстый

* В тексте рассказа цитируются строчки из песен Johnny Cash: «The beast in me», «I See A Darkness», «Aint No Grave», «Thirteen», «Redemption».

указательный палец в кровавую кашу. Давно перестал камлать, взывая к отцу. Последнюю черную мессу в весеннее равноденствие отслужил с песиками. Глухо...

Тело дворника — удалось. Высокий. Крепкие конечности. Печень была больная — подлечил. Устраивающий функционал. Морда тоже сойдет, если в порядок привести. Состричь колтуны спутавшихся волос. Сбрить неопрятную бороду. Но на черта. Тело дворника удалось и диету из сырого мяса, водки и молока выдерживает, словно бы и при жизни своей человечьей подобным обретался. Иногда прежний собственник тела прорывается, как, скажем, отрыжка. Макаров не прислушивается. Ведь его все больше. А того все меньше. А его все больше. Осталось только выяснить — зачем?

— Дид ю ноу, хау мач ай ловью?

Натягивает джинсы, тяжелые черные ботинки, плащ-дождевик на голое тело. Вся одежда с помойки. Люди оставляют для бомжей, а Макаров не брезгует. Ранняя весна. Зимой и летом, на все похер. Мог бы и вовсе голым ходить, но и так весь дом зашуган.

— Дид ю ноу, хау мач ай ловью?! Иц э хоуп дат сом хау ю!!!

Псы в нетерпении мельтешат, встают на задние лапы, до крови расцарапывая грудь.

— Эн ден, ай си де даркнесс! Эн ден, ай си де даркнесс! Эн ден, ай си де даркнесс!

Воющей ватагой вываливаются из подъезда, и Макаров с ходу швыряет в небо окровавленные объедки. Воронье не позволяет мясу коснуться земли.

Каждое утро — лед. К середине дня — квасня талая. Высыпанный за всю зиму песок чавкает под ногами говенным болотцем. Не любит это время Макаров. Второй год дворничает, и сейчас окончательно утвердился во мнении. Нет. Труд ему приятен. Каждое сокращение мышц смакует. Удивительно ему человеческое тело. Казалось бы, что в нем? Плоть на шарнирах. Но на самом деле — сад удовольствий. Тот самый, потерянный. Макаров смотрит на сонную утреннюю публику, что разбредается по работам, и в очередной раз ему не по себе от людей. Поколение за поколением они забывали, утрачивали. Поэтому и Бога своего не особо почитают. Ведь не разделить им восторг пращуров, которым чудеса первые явлены были. И осознание того, что сами когда-то чудом божьим

слыли, более их не будоражит. Макаров же любит свое телесное обиталище, свой отдельный сад.

Лопата гоняет талую воду с песком. Брызги во все стороны. Наушники распаяются Кэшем. А так — скребущее скрежетание на всю округу. Дом Макарова на верхотуре. Всеми ветрами обдуваем. Ледяной ветер с мокрым снегом бьет по роже, срывает с макушки капюшон, выдирает наушники. Макаров матерится. Псы резвятся, повизгивая. Демоны носятся за ними, как похотливые суки. Макарову не до них.

На первом этаже от окна к окну перебегает ведьма. Она главная в ТСЖ. Жалуется на Макарова постоянно и не по делу. Не было ни дня, чтобы он не прибирался, но ей похер. Сучара не работает, хоть еще и не старая. Вообще не пойми чем занимается. Макаров как-то к ней зашел после очередной жалобы. Долго не открывала дверь. Затем через цепочку высунула физиомордию свою. Над верхней губой крем на мерзкой щетине, а на заднем плане — канарейка в клетке. Макаров не послал тогда ее на хер, а пожелал доброго утра. Жизнь послала. Во сколько бы он ни выходил, в пять, шесть утра, в ее окнах тут же загорался свет. Надзирает. Макаров частенько резко оборачивается и ведьма прячется за занавеску. Макаров хохочет. «Может, порешить ее и сожрать?» — думает он, но его тут же передергивает от этой мысли. Вспоминает крем над верхней губой. «Тогда уж лучше канарейку...»

После лопаты очередь метлы. Окурки выпрастываются из тающих сугробов на совок. С трудом выдираются из своего неолита. Так и будут слоями сходить, пока солнце не пожрет все сугробы. Запаястья начинают ныть от неудобного хвата. Мусорный бак — в последнюю очередь. Привычная тяжесть. Дом многое переваривает в своей утробе. Будни. Праздники. Встречи. Радости. Горести. Расставания. Поножовщину. Болезнь. Секс. Смерть. Все это оставляет следы. Макаров научился читать по мусору. У помойки воюет с бомжами. Мешаются, мельтешат, не дают толком бак опорожнить. Поджопниками гоняет особенно дерзких, на прочих собак напускает. В подвале тепло и сухо. Спускается отогреться, водки выпить. Песочек на полу. Воздух плотный, влажный — укутывает. Макаров курит, прилегли на старый картон. Как только потеснил дворника в дворнике, так и крысы ушли из подвала. Точнее, попросил — не отказали. Макарову мечтается в подвал растений экзотических понанести, света добавить и вот тебе готовый оазис.

Прямо здесь можно будет бухать и трахаться. Не водить домой, а пялить прямо под полом ведьмы. Вот потеха.

Финальным аккордом лицо дома — крыльцо. Выскабливать полагается дочиста. Не допускать обледенения. Ведьма проверяет. Всю влагу выгонять. Из-под решетки особенно. Макарову нравится. Будто побрился начисто. Хотя, может, это все тело? Тело дворника радуется? А кто он такой, собственно? Пора перестать думать отдельно. Не переоценивать «отрыжку».

— Дид ю ноу хау мач ай ловью?! Иц э хоуп дат сом хау ю, ха-ха-ха...

Когда он закончил, вышло солнце. Подсушит все как следует. Ветер дометет остальное. Пора рубить мясо.

В молоке витамины, в водке радость, в мясе белки. Макаров неприхотлив. Мясом разживается на второй работе: шашлычка в торговом центре неподалеку от дома. Устроился рубщиком. Ползарплаты мясом. Чего еще желать? С лихим присвистом по суставам и мышцам. Брызжет паскудина, хоть и мерзлая тушка. Собственный топор носит за пазухой. Часами полирует, затачивает. Чем еще демону заняться? Черные хозяева шашлычки ходят кругом, посмагривают не без зависти и уважения. Не видели, чтобы кто-нибудь так рубил — талант. Пока никого нет поблизости, срезает с туши тонкое, перекусывает свежатиной. Рассовывает кости по карманам, для собачьего войска. Заждались уже. Воют под окнами.

— Дер эйнт ноу грейв, кан холд май бади даун! Дер эйнт ноу грейв, кан холд май бади даун!

В магазине бичпакеты — для бичей. В аптеке боярышник — для оных же, «бояр». Разок сам попробовал — не его букет. Ждут уже, бояре. Поглаживают псов, к нему тем самым подлизываясь. За торговым центром два контейнера. В них овощи обычно хранят. Хранили. Сейчас в них «фруктики» обретаются, все сплошь перегнившие. Местная алкашня. Его круг, его пентаграмма общения. Разбирают гостинцы. Радужно похлопывают, уступая лучшее место в своем гадюшнике. Макаров забавляется игрой в распознавание. Если кого-то не доискивается, значит, подошли. Пополнение в аду. Весь отчий дом к его возвращению загадят. Впрочем, он перестал верить в самую возможность возвращения.

Средневековые на задворках супермаркета. До старости не доживают. Болезни лечат кровопусканием. Водой брезгуют из бояз-

ни травануться. Свальный грех по праздникам. Макаров частенько находит здесь «свет моей жизни, огонь моих чресел»*. Правда, дело тонкое. Важно не опоздать. Поспеть до того, как очередную дамочку опустившуюся попортят «фруктики». Эти женщины приходят сюда, когда идти больше некуда. Скатываются, сползают с чистой гладко выбритой щеки божьей в непотребство нижнее. Макаров подхватывает огрубелыми руками дворника и несет в свое логово, а там дотрахиывает огрызки души. Он почти осызает их съевшиеся, изъеденные пьянством и развратом душонки. Боятся его. Забиваются жалкие карлики в руины человеческого. Пытаются спрятаться в развалинах. Но Макаров и там их настигает и дотрахиывает. Потом слушает истории. Бабы истории о том, как мир жесток. Как их сломали мужики и скольких детей они потеряли. Скольких никогда не увидят и как они их любят. Макаров кое-что утаивает и не открывает, только ему известно. Про самый страшный грех он умалчивает, чтоб раньше времени не расстроились и продолжали насасывать. Про грех матери. Не рассказывает дамочкам, что мать, бросившая ребенка — любимое лакомство чертей. Что «Мать — это имя Божие на устах и в сердцах всех детей»**

Бояре сегодня какие-то загадочные. Улыбаются таинственно, меж собой переглядываясь. Чуть похмелившись, они торжественно вводят ее. Подарок Макарову. Жертвоприношение. Специально для него сберегли новообращенную. Не притронулось племя к заблудившейся в чаще. Право первой ночи... Макаров изучает смущенную скво. У нее, блин, полбашки нахер нету. Правая половина черепа, по косой от крайней точки лба к крайней точки надбровной дуги, почти плоская.

— Что с тобой, милая?

— Муж дверь о голову закрыл... несколько раз.

— Изящно...

Она никогда не привыкнет к этим вопросам, взглядам. Макарову сейчас на это плевать. Полбашки нет, а остатки лица — прекрасны. И пьянство не все пожрало. Отметилось малостью морщин и жесткой носогубной складкой. Глаза серые, дикие — опасное серебро. Сама высокая, стройная. Зашевелился дворник в Макарове. Хрен встал, дворник зашевелился, и демоны впервые за день притихли. «Там еще поле не паханное, трахать не перетрахать ду-

* «Свет моей жизни, огонь моих чресел» — роман «Лолита» Владимира Набокова.

** «Мать — это имя Божие на устах и в сердцах всех детей» — фильм «Ворон», 1994.

шеньку», — думает он, галантно потеснившись. Усаживает рядом с собой на чистое. Шикает на бичей с их боярышником и, подув в стакан, наливает собственное. Наблюдает за тем, как она пьет. Радует, что замечает в ней жадность до водки. Значит, все-таки увязла. Давно больна. Далеко зашло. Не вернуться. Далеко зашла. Не вернется. Есть на что опереться, с чем поработать.

— Называйте меня Макаровым.

— Называйте меня Ликой.

— Ты, бл..., что о себе думаешь?! Я буду называть тебя так, как мне захочется.

— Все-таки лучше начать с Лики.

— Хорошо... Лика.

— Я здесь вторую ночь... Все говорят о вас. Вы кто?

— Я дворник.

— О дворниках так не говорят.

— Как?

— Со страхом и уважением.

— Просто я страшный и уважаемый... Я страшный?

Лика поворачивается не обезображенной стороной лица и смущенно изучает Макарова.

— Я парикмахер.

— Я дворник.

— Я вас подстригу... и нет, вы не страшный.

— Я ем сырое мясо.

— Я его поджарю для вас.

— Это я тебя отжарю, суч-ч... Лика...

— Вот видите, с именем уже справились.

В постели тоже странное своеобразие. Это Макаров узнал тем же вечером. Лика старается. Не эгоистка. Заметно проголодалась, но ее жадность до ласки не отталкивающая. Обычная жестокость Макарова как-то не увязывается с Ликой. И прихватывает-то за волосы, но тянет без усердия. И смыкает-то ручищи на ее шее, но не передавливает. Иная музыка соития. Что-то новенькое. И вроде как достает хером своим, дотягивается до души бабской ее, а кончает, о другое разбиваясь. Иная музыка...

Несколько суток пьют и совокупаются. Лика в перерывах прибирается в его логовище. Приручает пространство. Макаров не против. Лика всякий раз, когда думает, что Макаров ее не видит,

тискает фотокарточку. Дворник и без вящей заинтересованности знает, кто там. Очередное чадо. Агнец светлоокий, безвинный, брошенный. Но не в случае Лики. В ее случае — отобранный.

Лику выгнал муж. Оторвал от сына. Макаров чует запахоч неживающей души. Бывший муж — спивающийся доктор. Скатился. Катается теперь на «скорой помощи». Свекровь за мальчиком присматривает. Пятилетний херувим — Сёмочка. Лика подвывает по ночам. Собаки вторят. Бесы облизываются. Макаров пьет и увещевает чертей оставить Лику в покое. Двери об голову врач закрывает с недавних пор. Лика говорит, что будто подменили. Макаров хохочет. Осекается. Муженек работал педиатром. В церковь ходил. Не на показ, а действительно веровал и ее приобщал. Пытался лечить верой. Лика не то чтобы бесчинствовала — просто запойная. Тихонько утоляла жажду да о Сёмушке заботилась, пылинки сдувала. Сам мальчик случился чудесным образом. Когда забеременела, то думали аборт сделать: возраст, здоровье, алкоголизм. И было назначено число, но в анализах нашли гепатит. Отказались аборттировать до обследования. Свезли в инфекционную, а срок уже поджимал. В общем, к выписке уже поздно было, и ей так и сказали: «Очень жить хочется ребеночку вашему».

Макаров пристраивается к Лике. По-другому не умеет пожалеть. Она отталкивает — он не перегибает. Странная баба. Странно Макарову рядом и поодаль. Когда выходит двор убирать, то опасается, вернувшись, не застать ее. Так не раз случалось с другими скво. Обычно сам выгонял, и уходили пустыми, до дна вытраханнкими. Лика уже долго живет. Много дольше остальных. Странно...

Будто подменили доктора. Стал вместе с Ликой выпивать. И не ее аппетитами. Остервенело. Говорил, что свет ушел. «Из него, бл..., свет ушел!» Лика недоумевала. Макаров видел уже такое. После попок доктор ее винил, что это она, мол, ему бутылку сосватала. Мол, он ее из говна, а она его — в говно, и как теперь детишек лечить, когда не чувствуешь, когда свет ушел. Шарахались от его рук детишки. Руки научились делать больно. Поначалу бил изредка. Дальше — больше. Лика однажды воткнула ему в шею ножницы. Не помер. Радовались вместе. Снова любили. Примерно пару недель. А потом дверь закрыл о ее голову... несколько раз. Чудом выжила. Больше не любила. Лика сожалеет, что дурочкой после не осталась. Имелись все шансы. Было бы легче, наверное. Из боль-

ницы вернулась к той же двери, только запертой. Уже не мешалась ее голова. Свекровь по ту сторону объявила общее с сыном решение о том, что более Лика с ними не проживает. Не совсем общее. Сёмюшка рыдал в замочную скважину. Звал Маму. Мама молча ушла, кутая обезображенное лицо в воротник пальто.

Макаров ерзает. Банально все это, и слышал не раз подобный жанр. Слышал, но не вслушивался. А сейчас с ним делится, и это прилипает к Макарову и вроде как его становится. Его переживанием. Слово-то какое — ПЕ-РЕ-ЖИ-ВА-НИЕ... Это не мясо пережевывать, которое с недавних пор жареное. Это — ПЕ-РЕ-ЖИ-ВА-НИЕ... Тьфу! Дворник все чаще стал елозить внутри Макарова. Поднимает его со дна на поверхность, тащит нечто. Макаров не сразу прогоняет. Прислушивается. Дворник долго молчит. Молчание не пустое, и когда дворник уже было собирается ему что-то сказать, Макаров его топит. Впервые чувствует общее. Переживание. Оба о чем-то неясном догадываются.

День рождения Сёмочки. Лика садится напротив. Пришло время. Макаров недовольно ощеряется. Собаки и демоны возбуждены, суетливы. Доктор, ну тот, из которого свет ушел, не дает сына поздравить. Уже давно перестал на телефонные звонки отвечать. Раньше хоть переговаривалась с сыном. Голосом его из трубки питалась, жила. Рассказывала Макарову о новых словах, что Сёмочка произносит. Муж хотел ее вернуть. Заманивал ласковым голосом. Лика знала зачем — добить. Макаров скалится на это ее соображение, глуховато порывивает с псами. Сколько времени пройдет, прежде чем сын не узнает ее голос, прежде чем ужаснется, случайно встретив на улице страшную тетю.

— Знаешь, зачем я с тобой пошла?

— Я охеренный?

— Думала, что такой убьет.

— Да брось, просто не смогла устоять, ха-ха...

— А ты не убил, но я по-прежнему думаю, что способен помочь.

— Может, просто украдем его? На прогулке, там... из садика?

— Не носи!

— Сколько там, бишь, ему?

— Шесть лет исполняется...

— Угу... кхм... значит, вот тебе деньги на подарок, адрес напиши на бумажке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru